

Валерий Медведев

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

*Иллюстрации
Кати Костиной*

Часть первая

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

ИСААК НЬЮТОН

ЗИНК

$$\begin{aligned}x - 14 &= 80 \\x - 14 &: 80 - 23 \\x - 1 &= 57\end{aligned}$$

Событие первое

Позор на всю школу!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

7

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала:

— Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!

Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» — прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела:

— Эх, вы! Такую красивую газету испортили!

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она

была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на "хорошо" и "отлично"»!

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двоечников действительно как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом.

Я даже не выдержал и послал Эрке записку: «Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или в крайнем случае зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» — тремя, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

СТЕНГАЗЕТА

УЧИТЬСЯ ТОЛЬКО НА 4 И 5

ЮМОР И САТИРА

Событие второе

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути. 9

— Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! — закричала она и добавила ехидным тоном: — Посвященное Баранкину и Малинину!

— И никакого не собрание, — крикнула Зинка Фокина, — а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе — сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала со-

брание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

Событие третье
Как в опере, получается...

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала: 11

— Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

— В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

— А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

— Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.)

— Вызвать родителей! (Нина Семенова.)

— Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

— Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Сеницына.)

— Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

— Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым — оболтусы, тунеядцы, трутни! Еще раз трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала.

У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий, — закричал я на Веньку Смирнова, — а ты то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

12 — Эх ты, Баранкин, — заорал на меня Венька Смирнов, — я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще, — продолжал кричать на весь класс Венька, — предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно, — крикнул я Веньке, — а не со всеми вместе!..

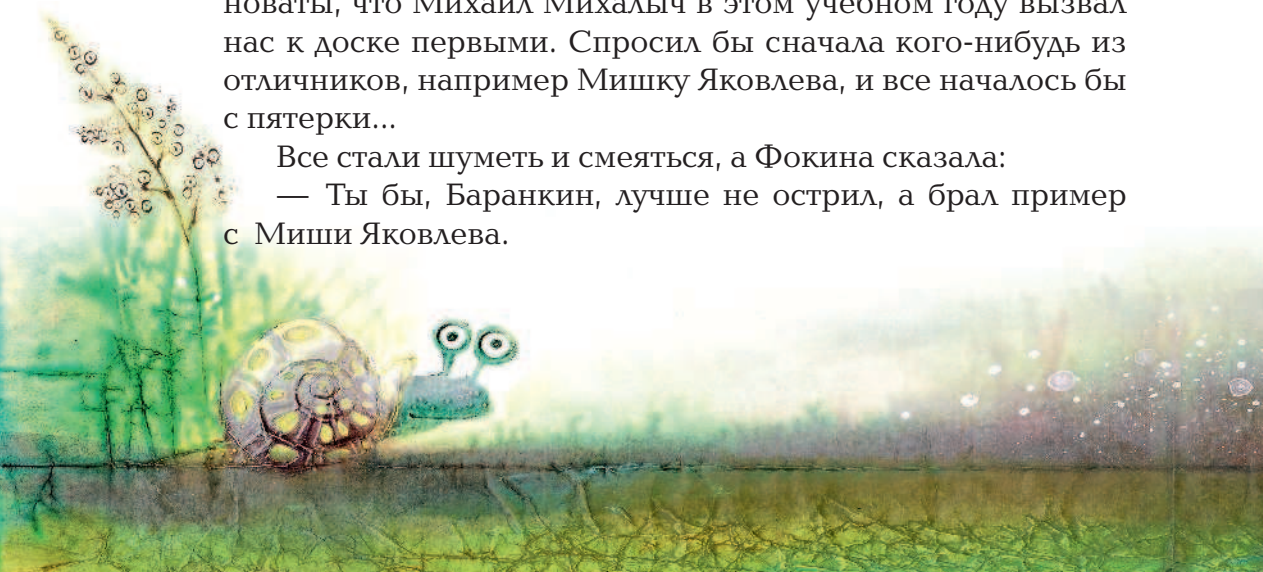
Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

— Ой, тише, ребята, — сказала Фокина, — замолчите! Пусть говорит Баранкин!

— А что говорить? — сказал я. — Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

— Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

— Подумаешь, какой пример-министр! — сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

— Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

— Малинин! — сказал я Косте. — Разъясни...

— Вот пристали! — сказал Малинин. — Да исправим мы ваши двойки... то есть наши двойки...

— Когда?

— Юра, когда мы исправим двойки? — спросил меня Костя.

— А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? — закричала Кузякина.

— В четверти исправим, — сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.

— Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки! — всполошилась Кузякина.

— Баранкин! — сказала Зинка Фокина. — Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

— Извините, пожалуйста! — возмутился я. — Завтра воскресенье!

— Ничего, позанимаетесь (Миша Яковлев.)

— Так им и надо! (Алик Новиков.)

— Привязать их веревками к партам! (Эрка Кузякина.)

— А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

— А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

— Молчание — знак согласия! — сказала Зинка Фокина. — Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад — будем сажать деревья!

— Что? — заорали мы с Костей в один голос. — Еще и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!

— Физический труд, — сказала главный редактор нашей стенгазеты, — лучший отдых после умственной работы.

— Это что же получается, — сказал я, — значит, как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

— Алик! — сказала староста нашего класса. — Смотри, чтобы они не сбежали!..

— Не сбегут! — сказал Алик. — Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... — Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. — И подпись...

*Событие четвертое
(Очень важное!)*

А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошарашены.

Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

— Юра! — сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) — Юра... Ну будь человеком!.. Ну исправь завтра двойку! Ну исправишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

— Фокина! — сказал я официальным голосом. — Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал: «Не приставай!..»

Фокина (*возмущенно*). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (*хладнокровно*). Ну и не разговаривай!

Фокина (*еще возмущенней*). И не буду!

Я (*еще хладнокровней*). А сама разговариваешь!..

Фокина (*возмущенней в тысячу раз*). Потому что я хочу, чтобы ты стал человеком!

— А я что, не человек, что ли?

— Нет, Юра! — сказала Фокина серьезно. — Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

— А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

— Как это устал? — спросила Фокина изумленным голосом.

— А вот так! Вот так! — возмущенно закричал я на Фокину. — Устал, и все! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фокина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменялась и сказала:

— Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. — и вышла из класса.

